

Главная редакционная
коллегия журнала:
А.С. Казаринов (гл. редактор)
А.А. Мирошниченко
М.А. Бабушкин

Редколлегия серии:
В.М. Широких
(отв. редактор серии)
Н.Н. Орехова
З.М. Цунанова
Е.Э. Калинина
И.Ю. Лыскова

Редакторы:
Л.В. Ларионова
Т.В. Мезенцева

Компьютерная верстка:
Е.В. Машкова

Адрес редакции:
427621, УР, г. Глазов,
ул. Первомайская, 25
Тел./факс: (34141) 5-60-09
izdat@mail.ru

© Глазовский государственный
педагогический институт, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

♦ Научная школа д-ра филол. наук Н.Н. Ореховой

- Возмищева Н.В.* Легенда о Святом Граале: ценности
христианские и рыцарские (система образов и язык)3
Калинина Е.Э. Африкаанс: формирование синтаксической нормы7
Лыскова И.Ю. К вопросу о языковой норме9
Орехова Н.Н. Семизис письменной системы в динамике:
графика и топография12

♦ Лингвистика и филология

- Буйнова О.Ю.* К вопросу о продуктивности словообразовательных
моделей прилагательных с суффиксами -у, -ish17
Ерохин А.В. М.М. Бахтин о хронотопе гетевской прозы20
Исмаилова Г.Р., Орлова А.И. К вопросу философского
истолкования концептологии24
Киселева В.В. Языковая сообразность и теория лингвистического
позиционирования25
Кропачева М.А., Литвинова Е.С. Некоторые особенности
сущности и функционирования молодежного жаргона27
Наговицына Е.П. Развитие лексической нормативности
в американском английском языке на основе диалектов29
Орлова А.И. Теория перевода и толкования художественного
текста в трудах А.В. Федорова (К 100-летию со дня рождения
Учителя)30
Перевощикова Н.А. Становление австристики в отечественной
германистике33
Садыкова М.А. Некоторые аспекты метафоризации концептов
«свет» и «тьма» (на материале английского языка)35
Соколов А.Н. Литературная модель как ключ к пониманию
художественного текста. Модель «Герой – Враг» (на материале
анализа «Баллады о долгоногой наживке» Дилана Томаса)37
Широких В.М. Из истории билингвизма и мультILINGVизма
в Соединенных Штатах Америки41

♦ Педагогика и методика обучения иностранному языку

- Войтович И.К.* Непрерывное образование: к вопросу об оценке
качества знаний в дистанционном обучении43
Кислухина О.Н. Особенности учебной деятельности
как содержания образования45

<i>Науман И.М.</i> Обучение дискуссионному общению на занятиях по практике устной речи	46
<i>Пашенцева Л.Г.</i> Реализация сопоставительного подхода при обучении французскому языку (из опыта преподавания французского языка на базе английского и немецкого)	47
<i>Поторочина Г.Е.</i> Формирование личности студента педвуза как субъекта диалога культур в этнокультурном образовательном пространстве	49
<i>Салтыкова М.В.</i> Средства формирования самостоятельной компетенции учащихся по иностранному языку	51
<i>Смирнова М.Н.</i> Использование интегративной педагогической технологии при формировании готовности студентов к межкультурному взаимодействию	53
<i>Тарабаева Е.В.</i> Трудности чтения и понимания профессионально-ориентированных текстов на иностранном языке	55
<i>Чепкасова Н.К.</i> Пословица на уроке английского языка в начальной школе	57
<i>Чепкасова Н.К., Загребина И.В.</i> Интеграция учебно-воспитательного потенциала уроков родного и иностранного языка в процессе формирования речевого этикета младших школьников	58
<i>Шафорост Г.И.</i> Региональный материал в обучении иностранному языку	60

АВТОРАМ СЕРИИ «ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ»

Журнал «Вестник педагогического опыта» публикует материалы, которые могут помочь учителю, преподавателю иностранного языка в ведении его профессиональной деятельности.

На страницах журнала свои материалы могут представить преподаватели и научные работники, ведущие исследования по проблемам преподавания иностранных языков, учителя школ, желающие поделиться своим педагогическим опытом с коллегами, аспиранты и студенты, делающие свои первые открытия в области теории и методики обучения иностранным языкам.

1. Объем рукописи представляемого для публикации материала – до 10 страниц.
2. Материал принимается в распечатанном на бумаге виде и на дискете формата 3,5” в редакторе Word.
3. При наличии в рукописи ссылок на использованную литературу автору следует строго указывать выходные данные и номера страниц источника.
4. Обязательно представление сведений об авторах (фамилия, имя, отчество, ученая степень, место работы и должность, адрес для переписки, телефоны).
5. Материалы, присланные для публикации, могут содержать качественные фотографии и иллюстрации (с соответствующими указаниями на их использование в тексте).
6. Рукопись должна быть подписана авторами.

Сложная основа чаще всего образуется от сложного существительного или словосочетания: *sunbeamy* «веселый, сияющий как солнечный луч» (от *sunbeam* «солнечный луч»); *fudge-sticky* «липкий, клейкий от конфеты «сахарная соломка»»; *Sunday-schoolish* «относящийся, характерный для воскресной школы» (от *Sunday school* «воскресная школа»). Эти прилагательные

пишутся через дефис или слитно.

Подробно рассмотренные словообразовательные модели с суффиксами *-y*, *-ish*, выявленные области и оттенки их значений помогут проанализировать продуктивность суффиксов *-y* и *-ish* в отдельности на семантическом и метасемиотическом уровнях.

Список литературы

1. Гвишиани, Н.Б. Полифункциональные слова в языке и речи / Н.Б. Гвишиани. – М.: Высш. шк., 1990. – 200 с.
2. Зятковская, Р.Г. Суффиксальная система современного английского языка / Р.Г. Зятковская. – М.: Высш. шк., 1991.
3. Карацук, П.М. Словообразование английского языка / П.М. Карацук. – М.: Высш. шк., 1987.
4. Кубрякова, Е.С. Типы языковых значений: Семантика производного слова / Е.С. Кубрякова. – М.: Наука, 1981.
5. Царев, П.В. Продуктивное именное словообразование в современном английском языке / П.В. Царев. – М.: Изд-во Москов. ун-та, 1984. – 224 с.

А.В. Ерохин,

д-р филол. наук, проф., УдГУ

М.М. БАХТИН О ХРОНОТОПЕ ГЕТЕВСКОЙ ПРОЗЫ

В научном наследии М.М. Бахтина фигура Гете по своей значимости стоит рядом с Ф.М. Достоевским и Франсуа Рабле – главными героями исследовательской деятельности русского мыслителя [1, с. 415]. Как человек, выросший в атмосфере Серебряного века российской культуры, Бахтин, безусловно, с самого начала был прекрасно осведомлен о жизни и творчестве Гете: глубокое знание биографии, литературных и научных трудов являлось обязательным и, можно сказать, естественным для дореволюционного российского интеллигента [2, с. 65]. Научные работы Бахтина насыщены цитатами из Гете. Это касается как центральных трудов Бахтина («Проблемы поэтики Достоевского», «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса»), так и менее популярных его сочинений. Так, интересные замечания о Гете можно найти в ряде фрагментов Бахтина: «“Слово о полку Игореве” в истории эпопеи» [3, с. 41, 416], «К вопросам теории смеха» [3, с. 51, 442 – 443], «К вопросам самосознания и самооценки...» [3, с. 78, 472 – 473]. Оригинальные сопоставления, касающиеся Гете, можно найти в лекциях Бахтина по истории зарубежной литературы эпохи античности и средневековья, зафиксированных В.А. Мирской. Касаясь в своих лекциях античной хоровой лирики, Бахтин проводит параллель между «Горными вершинами» Гете и парфением древнегреческого поэта Алкмана [4, с. 27, 118]; достойно упоминания также сравнение романа Гете «Избирательное сродство» с ирландским эпосом и особенно со средневековым сюжетом о Тристане и Изольде [4, с. 43, 89]. (Насколько нам известно, данная параллель не получила развития в гетеведении). Наконец, непосредственно творчеству Гете основное внимание уделено в работах Бахтина второй половины

тридцатых и сороковых годов XX в., посвященных теории романа или «прозаике» [5, с. 288 – 309]. Это «Формы времени и хронотопа в романе» и «Роман воспитания и его значение в истории реализма».

В обширнейшей научной литературе о Бахтине количество исследований отношения русского мыслителя к Гете невелико по сравнению с другими персоналиями (например, Достоевским или Рабле). Хотя упоминания Гете в контексте российского бахтиноведения не так уж редки, но большей частью они подчинены иным темам и контекстам. (Ср., например, [6, с. 407; 7, с. 27]). Подобное можно сказать и об интересной работе английского исследователя Галина Тиханова, в которой немало места уделено интересующей нас проблематике [8, с. 241 – 245]. Касаясь освоения Бахтиным наследия Гете, российские авторы чаще всего говорят о наблюдениях Бахтина над «работой глаза» у Гете, над его непревзойденным умением видеть время (см., например, [9, с. 217 – 220]). В целом же работа над темой «Бахтин и Гете» ведется менее интенсивно, чем в других, ставших уже традиционными областях бахтиноведения. Подобная ситуация может быть объяснена, в частности, тем, что основная работа Бахтина, посвященная Гете, – «Роман воспитания и его значение в истории реализма» – не успела выйти в свет и рукопись ее была утеряна в военные сороковые годы [1, с. 414]. Поэтому исчерпывающая реконструкция взглядов Бахтина на творчество Гете в силу неполноты имеющихся материалов едва ли возможна. С другой стороны, недостаточный интерес к данной проблеме имеет, можно сказать, и свои концептуальные истоки: свои наиболее известные и плодотворные идеи («внеаходимость», «хронотоп», «карнавал», «диалог», «полифонический роман» и т.д.) Бахтин разрабатывал в основном

на ином литературном материале, тогда как произведения Гете часто использовались им лишь для дополнительной аргументации. (Особенно это касается концепции карнавальской культуры).

И все же интенсивное изучение рецепции гетевского наследия в текстах Бахтина необходимо и оправдано хотя бы уже тем, что проблематика личности и творчества Гете-классика играет далеко не последнюю роль в исследованиях философов рубежа XIX и XX вв., оказавших большое влияние на становление М. Бахтина как оригинального «неклассического» мыслителя. Речь здесь должна вестись прежде всего о «философии жизни» и неокантианстве. Не углубляясь в данный вопрос, напомним, что Бахтин был знаком с трудами Ф. Гундольфа и Г. Зиммеля, с их неоспоримым вкладом в коренное преобразование германистики и гетеведения в начале XX в. [3, с. 416; 8; 10, с. 343 – 344]. Определенную близость можно обнаружить и во взглядах на Гете Бахтина и Эрнста Кассирера. Особого внимания в данном контексте заслуживает сравнение подходов к фигуре Гете Г. Зиммеля и М. Бахтина, не предпринимавшихся, по нашим сведениям, в отечественном литературоведении.

Не претендуя на исчерпывающий анализ проблематики «Бахтин и Гете», мы ограничиваемся лишь одним ее аспектом – некоторыми особенностями восприятия Бахтиным гетевской «прозаики». В основу нашего анализа положен очерк Бахтина о времени и пространстве в произведениях Гете, входящий в состав подготовительных материалов к книге «Роман воспитания и его значение в истории реализма» (1936 – 1938).

Работа Бахтина начинается с известной характеристики творчества Гете как одной из вершин восприятия и воплощения исторического времени в мировой литературе [1, с. 217]. Гете с его умением читать приметы времени («во всем, начиная от природы и кончая человеческими нравами и идеей») [1, с. 216], рассматривается Бахтиным как прямой наследник и завершитель эпохи Просвещения, вышедший из идиллического циклического времени и открывший приметы времени исторического [1, с. 217]. Бахтин совершенно справедливо указывает на историчность Просвещения, нередко недооцениваемую в отечественном литературоведении. В этом смысле Гете (как, впрочем, и его соратник Шиллер) может с полным правом считаться воплощением «исторического человека», сформировавшегося в XVIII столетии.

Гетевский историзм связывается Бахтиным с другими важными характеристиками – «зримостью» и «культурой глаза» [1, с. 218], а также со словом, которое у Гете «было совместимо с самой четкою зримостью» [1, с. 219]. В этом – специфичность гетевского «хронотопа»: «Простая пространственная смежность (*neben einander*) явлений была Гете глубоко чужда, он насыщал, пронизывал ее *временем*, раскрывал в ней становление, разви-

тие, разносил рядом лежащее в *пространстве* по разным *временным* ступеням становления. Современность для него – и в природе и в человеческой жизни – раскрывается как существенная разновременность: как пережитки или реликты разных ступеней и формаций прошлого и как зачатки более или менее далекого будущего» [1, с. 220]. Бахтин – поклонник исторического движения и изменения – обнаруживает это изменение, эту пульсацию «фона мировых устоев» [1, с. 222] в творчестве Гете, что, безусловно, предстает яркой, свежей и современной мыслью, открывающей новые перспективы восприятия Гете в XX в.

Как же сам Бахтин дальше развивает свою догадку? Зримое движение исторического времени рассматривается им прежде всего на примере «Итальянского путешествия» – пожалуй, вообще важнейшего для него текста Гете. По Бахтину, Гете с его исторической зоркостью видит в окружающей его действительности прежде всего следы «плановмерно действовавшей единой человеческой воли», то есть существенный и живой след прошлого в настоящем [1, с. 224]. Из такой живой современности решительно исключаются руины, «музейно-антикварные внешние оболочки голого прошлого», которые, согласно Бахтину, «Гете не любил, называл призраками (*Gespenster*), гнал от себя» [1, с. 224 – 225]. Бахтин поясняет: «Здесь, во-первых, проявляется характерная для Гете нелюбовь к *отрешенному* прошлому, к прошлому в себе и для себя...» [1, с. 226]. Во-вторых, «...само прошлое должно быть *творческим*, должно быть *действенным* в настоящем...» [1, с. 226].

В этом месте у любого внимательного читателя Гете должны возникнуть некоторые сомнения и желание защитить «отрешенные куски прошлого» с их специфической историчностью. Поздний Гете посвятил немало проникновенных страниц описанию подобных «призраков» – руин, заброшенных парков, монастырей, замков, недостроенных соборов. Бахтин цитирует одно из таких описаний, лишенных какого бы то ни было «отвращения» к музейно-антикварному прошлому. Это признание Гете относительно развалин Кельнского собора, сделанное им в X книге «Поэзии и правды»: «Одно чувство, принимавшее очень странные формы, владело мною всецело – чувство слияния прошлого и настоящего воедино, и этот взгляд вносил в настоящее что-то призрачное. <...> Кельн был как раз такое место, где древность могла оказать на меня такое не поддающееся учету впечатление» [1, с. 228].

Это противоречие Бахтин объясняет тем, что чувство времени у Гете было сложным и включало наряду с преобладающим реалистическим компонентом также «призрачное», «жуткое» и «безотчетное», иными словами – «романтическое» [1, с. 228 – 229]. Между тем текстов, обнаруживающих очевидную симпатию автора к руинам, развалинам и недостроенным зданиям, у Гете довольно много, особенно в журнале «Об искусстве и древности»,

который он издавал с 1816 по 1828 г. Своим появлением эти тексты обязаны прежде всего братьям Буассере, которые вновь пробудили в Гете живой интерес к средневековому искусству. О многочисленных руинах на берегах Рейна, Мозеля и Майна Гете с большим участием рассказывает в ряде своих публикаций: «Осенние дни в Рейнгау» (дополнение к автобиографическому тексту «Праздник святого Рохуса в Бингене» [11, I, 34.1, с. 47 – 67]), «Об искусстве и древности на землях по Рейну и Майну» («саморецензия» Гете, помещенная в «Утреннем листке для образованных сословий» [12, с. 194 – 204]), «Раскопки» [11, I, 49.2, с. 151 – 157], «О немецком зодчестве 1823» [12, с. 250 – 255], «Виды, чертежи и отдельные части собора в Кельне, с дополнениями по эскизу мастера» (рецензия Гете на книгу Сульпица Буассере, вышедшую в Штутгарте в 1821 г. [11, I, 49.2, с. 182 – 189]).

Остановимся на данных сочинениях, посвященных во многом отрешенным «призракам прошлого», и постараемся рассмотреть их в русле предложенной Бахтиным проблематики «живого исторического времени».

В «Осенних днях в Рейнгау» («Im Rheingau Herbsttage») Гете много места уделяет описаниям красочных руин – монастырю в Эйбингене [11, I, 34.1, с. 50], дому Бремлера в Рюдестейме [11, I, 34.1, с. 50 – 51], замкам в Фольрате [11, I, 34.1, с. 51 – 52], Иоганнисберге [11, I, 34.1, с. 56] и Обер-Ингельгейме [11, I, 34.1, с. 64]. Впечатления автора при этом весьма разнообразны – монастырь в Эйбингене дает «пренеприятное представление о достойном существовании, подвергшемся разрушению» [11, I, 34.1, с. 50]; дом Бремлера представляет собой «хоть и своеобразные, но неприятные останки из шестнадцатого столетия» [11, I, 34.1, с. 50]. Здесь Гете, можно сказать, вполне «по-бахтински» относится к руинам. Но уже заброшенный сад в Фольрате с беспорядочно и живописно разросшимися фруктовыми деревьями воспринимается Гете как «ожившая руина» [11, I, 34.1, с. 52]; замок в Иоганнисберге «пуст, без домашней утвари, но не испорчен» [11, I, 34.1, с. 56].

В уведомлении «Об искусстве и древности в областях Рейна и Майна, сочинение Гете», а также в заметке «Раскопки» («Ausgrabungen») Гете ясно формулирует свое отношение к останкам прошлого как к руинам, подлежащим сохранению, упорядочению, преумножению, оживлению и использованию [12, с. 194]. Иными словами, Гете включает полуразрушенные памятники былых времен в свою «реставрационную» деятельность, добиваясь их возвращения в живой поток актуальной истории. Этот реставрационный подход, нацеленный на оживление, «воскрешение» забытых древностей, включая соборы, наиболее отчетливо заявлен в «Раскопках»: «Так как человек не в состоянии непрерывно творить и создавать, пусть даже это и продолжает оставаться для него самым желанным, то его не могут не занимать и радовать поиски утраченного, восстановление

разрушенного, собиране, упорядочение и оживление рассеянного. Именно поэтому все мы с таким удовольствием принимаем живейшее участие в раскопках скрытых от глаз памятников древнейших времен» [11, I, 49.2, с. 151]. Мы видим, что поздний Гете, сохранивший, безусловно, творческое отношение к историческому времени, отнюдь не исключает руины и развалины из этого практически-действенного взгляда на время и пространство. Более того, как уже говорилось, он стремится вернуть истории утерянные ею и мумифицированные «останки». (Гете неоднократно с осязательным содроганием говорит о действительно бесполезном как о «мумии», например, о том, как некогда «в Византии мумифицировалось все искусство» [11, I, 49.1, с. 14 – 15]. В этом смысле «отрешенное прошлое», на наш взгляд, у Гете выражается не через руину или развалину, а именно через *мумию*).

К образу величественной руины – недостроенному Кельнскому собору – Гете обращается в известной работе 1823 г. «О немецком зодчестве», а также в рецензии на книгу Сульпица Буассере. И здесь Гете удается сформулировать то «не поддающееся учету впечатление» от этого памятника древности, о котором он упоминает в эпизоде из «Поэзии и правды», цитировавшемся Бахтиным. В очерке «О немецком зодчестве» незавершенный собор воплощает для Гете конфликт «между великолепным творением человека и безмолвно властвующим, ничего не щадящим временем...»; «здесь мы сталкиваемся с незавершенным, невиданным, и именно эта незавершенность напоминает нам об ограниченности человека, как только он дерзает создать нечто сверхграндиозное» [12, с. 253]. Гете рассматривает Кельнский собор в рамках эстетики возвышенного, как пример грандиозного фрагмента, остова, при виде которого наблюдатель «весело удивляется и радостно пугается» [12, с. 254]. Обращаясь к читателю, «истинному другу искусства», Гете уверен, что, «если, путешествуя, он случайно окажется возле замечательного строения, он уже не предастся личным ощущениям, будь то смутное предубеждение или чрезмерно поспешное отвращение» [12, с. 254]. Под «истинным другом искусства» Гете разумеет и самого себя, отказавшегося от прежних предубеждений.

Еще раз к образу Кельнского собора Гете возвращается в рецензии на собрание рисунков и чертежей Кельнского собора, опубликованное Буассере. В связи с нашей темой примечательно то, что восторженное упоминание о недостроенном соборе соседствует здесь у Гете с сочувственным и заинтересованным описанием Кельнского *карнавала*, возрожденного усилиями энтузиастов в начале XIX в. [11, I, 49.2, с. 187 – 189]. Не останавливаясь специально на теме карнавала, подчеркнем невольную «бахтинскую» иронию этого сопоставления.

Заметим, что сказанное нами о «хронотопе руин» у Гете отнюдь не противоречит взглядам

М. Бахтина на творчество Гете, скорее, напротив – можно утверждать, что действительное отношение Гете к прошлому отличается большой щедростью и охватывает в том числе и руину как символ «прошлого в себе и для себя».

Возвращаясь к тексту Бахтина, подчеркнем, что описанная выше точка зрения «человека-строителя» [1, с. 227] у Бахтина является важнейшим атрибутом гетевского реализма. Наряду с необходимостью и полнотой времени [1, с. 235] в состав реалистического искусства Гете Бахтин включает интенсивность, осмысленность, целостность и телесность: «Все зримо, все конкретно, все телесно, все материально в этом мире, и в то же время все интенсивно, осмысленно и творчески необходимо» [1, с. 236]. К этим чертам реалистической «прозаики» Гете относится и «сгущение реальности», или «процесс закругления, восполнения и оцельнения реального мира» [1, с. 238]. Особая «существенность» жанра романа у Бахтина связана с этим набором характеристик, двойственным в своей основе: историчность здесь парадоксально соседствует с вневременными, постоянными признаками реализма. Гетевская реалистическая хромотичность в оптике Бахтина насыщена специфической энергетикой, которая впитывает в себя и характерные «местные культы» в литературе XVIII в. [1, с. 241 – 242], и античные аллюзии, и «фольклорное время» [1, с. 247 – 248].

Мы видим, что трактовка Бахтиным гетевского реализма весьма нетривиальна; на наш взгляд, реалистический хромотоп Гете располагается в бахтинском «большом времени», в котором «на равных правах существуют Гомер и Эсхил, Софокл и Сократ» [13, с. 8] и в котором «ничто не пропадает

бесследно, все возрождается к новой жизни» [13, с. 8]. В этом большом времени «все, что случилось прежде, все, что пережило человечество, – итжится и наполняется новым смыслом» [13, с. 8].

«Большое время» у Бахтина можно представить как максимально актуализированное время культурной традиции, в котором социальное и природное составляют ценностное единство, гарантируемое личностью человека – носителя культуры. В такой перспективе, близкой в своей основе «философии жизни», традиция оказывается устойчивой и изменчивой одновременно. И оригинальный язык бахтинского мышления, понятия его философии культуры – диалог, карнавал, хромотоп – предстают как средства не просто актуализации, но и радикализации традиции. Неспроста, видимо, Бахтин в качестве главных героев своей мысли избирает Достоевского, Рабле, Гете, Шекспира, Толстого – писателей, совмещавших в своем творчестве противоположные начала – консервативное и революционное, индивидуалистическое и стихийно-массовое. Но историческая традиция у Бахтина не только животворна – она выступит еще и как средство активной научной и мировоззренческой полемики против «официального», теоретического разума. Как представляется, острие критики Бахтина направлено против технологической рациональности в ее «веберовском» варианте, против «велоциферического» модерна с его культом машины и скорости (если еще раз вспомнить Гете). Возражения Бахтина и его кружка против неокантианства, марксизма, фрейдизма, формализма также можно понимать в этом ключе – как смелую попытку отнять у теоретического разума его единоличные претензии на интеллектуальное и практическое овладение пространством и временем.

Список цитируемой литературы

1. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин; сост. С.Г. Бочаров. – 2-е изд. – М., 1986.
2. Ерохин, А.В. Александр Блок и Гете / А.В. Ерохин // Гете в русской культуре XX века / под ред. Г.В. Якушевой. – 2-е изд., доп. – М., 2004.
3. Бахтин, М.М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 5. Работы 40-х – начала 1960-х годов / М.М. Бахтин; под ред. С.Г. Бочарова, Л.А. Гогтишвили. – М., 1997.
4. Бахтин, М.М. Лекции по истории зарубежной литературы: Античность. Средние века (в записи В.А. Мирской) / М.М. Бахтин; публ., подгот. текста, предисл. и коммент. И.В. Ключевой, Л.М. Лисуновой. – Саранск, 1999.
5. Морсон, Г.С. Творчество прозаики. Глава из книги / Г.С. Морсон, К. Эмерсон // Бахтинология. Исследования, переводы, публикации / сост., ред. К.Г. Исупов. – СПб., 1995.
6. Баткин, Л.М. Смех Панурга и философия культуры / Л.М. Баткин // М.М. Бахтин: pro et contra. Личность и творчество М.М. Бахтина в оценке русской и мировой гуманитарной мысли / сост., вступ. ст. и коммент. К.Г. Исупова. – СПб., 2001. – Т. 1.
7. Жеребин, А.И. Тайный код русской германистики (к истории сравнительного метода) / А.И. Жеребин // Русская германистика: ежегодник Российского союза германистов. – М., 2004. – Т. 1.
8. Tihanov, G. The Master and the Slave. Lukacs, Bakhtin, and the Ideas of Their Time / G. Tihanov. – Oxford, 2000.
9. Микешина, Л.А. Значение идей Бахтина для современной эпистемологии / Л.А. Микешина // Философия науки. Вып. 5. Философия науки в поисках новых путей / отв. ред. И.Н. Касавин, В.Н. Порус. – М., 1999.
10. Хализев, В.Е. Теория поступка М.М. Бахтина в контексте философии XX века / В.Е. Хализев // Литературоведение как литература: сб. в честь С.Г. Бочарова / отв. ред. И.Л. Попова. – М., 2004.
11. Goethes Werke. Hrsg. im Auftr. d. Grossherzogin Sophie von Sachsen. Weimarer Ausgabe. Fotomechan. Nachdr. d. Ausg. Weimar, 1887 – 1919. – Muenchen, 1987.
12. Гете, И.В. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 10. Об искусстве и литературе / И.В. Гете. – М., 1980.
13. Бахтин, М.М. В большом времени / М.М. Бахтин // Бахтинология. Исследования, переводы, публикации. – СПб., 1995.